

К всеобщим свойствам экономического пространства: науковедческий анализ

Определяются всеобщие свойства экономического пространства. Сделана попытка осмыслить современные тенденции в развитии экономической науки. Рассматриваются общие проблемы состояния и развития мировой экономики, ее глобализации.

Анализ экономического пространства в качестве объекта науковедческого исследования предполагает рассмотрение его всеобщих и специфических свойств.

К всеобщим свойствам экономического пространства следует относить объективность существования и независимость от сознания человека (но не от деятельности); зависимость от структурных отношений и процессов развития в хозяйственных, экономических и производственных взаимодействиях; единство прерывного и непрерывного в его уровнях и структуре.

К всеобщим свойствам экономического пространства следует относить также возможность прибавления к каждому данному элементу какого-либо следующего элемента либо возможность уменьшения числа элементов, возможность изменения характера экономических взаимодействий, взаимного расположения элементов экономического пространства, их числа и качественных особенностей.

Экономическому пространству не присущи связанность и непрерывность, обычно проявляющиеся в физическом пространстве в характере перемещения тел от точки к точке, однако присуща связанность в распространении физического воздействия через различные институты и поля (эгрегоры) в виде близкодействия передачи энергии.

Экономическому пространству свойственна относительная прерывность, проявляющаяся в раздельном существовании материальных объектов и систем, субъектов и акторов, в существовании многообразия структурных уров-

ней взаимодействий, меняющихся в зависимости от изменения плотности экономических отношений.

Общим свойством экономического пространства, обнаруживающимся на всех идентифицированных структурных уровнях (нано-, нано-, микро-, мезо-, макро-, суб-, мега-), является трехмерность, которая органически связана со структурностью экономических систем, а также экономическими и социальными сетями и их взаимообусловленностью. Все экономические процессы и взаимодействия реализуются лишь в пространстве трех измерений.

Экономическое пространство всегда трехмерно и характеризует протяженность и структуру экономических процессов, сосуществование и взаимодействие различных субъектов экономических отношений и элементов экономических систем.

Возможно различие метрических (т. е. связанных с количественным анализом, измерениями) и топологических (связанность, многоуровневость и т. п.) свойств экономического пространства.

С протяженностью экономического пространства неразрывно связаны его метрические свойства, выражающие особенности связи пространственных элементов, порядок и количественные закономерности этих связей. Экономическое пространство принципиально незамкнуто, неисчерпаемо в количественных и качественных отношениях.

Выделяя экономическое пространство в качестве объекта экономической теории, следует отметить усиление в

экономической науке тенденций пролиферации идей. Остановимся на заявленном тезисе подробнее.

Томас Кун отмечал, что научные парадигмы различаются между собой не столько ответами, сколько вопросами. Именно в их характере в первую очередь сказываются сдвиги когнитивной культуры. Этот тезис вполне применим и к развитию экономической теории, хотя здесь и имеются свои особенности, связанные с тем, что новые вопросы в каждую последующую эпоху соотносятся с «вечными проблемами». Прогрессивное развитие экономической теории происходит при проведении все более тонких дистинкций в исследуемом объекте, в результате чего в нем обнаруживаются новые аспекты. Как правило, это приводит к постановке вопросов, которые ранее никому не приходили в голову. Чем больше вопросов и их оттенков, тем с более продвинутым этапом в развитии знания мы имеем дело. В итоге появляется множество проблем и новых понятий, а старые переформулируются с учетом новых. Иначе говоря, происходит то, что Пол Фейерабенд назвал «полиферацией». Отмеченное находит выражение в новом языке, что, безусловно, следует отнести к очень важной новации.

Если процессом культуры считать расширение смыслового поля языка и умножение семиотических средств, тогда рассмотрение экономического пространства в качестве объекта экономической теории означает появление в экономической науке новых смысловых единиц, иначе говоря, расширение ее смыслового поля.

Очевидно, что проведение тонких дистинкций и формулировка множества подпроблем, возникающих при анализе экономического пространства как объекта экономической теории, предполагают появление когнитивных сдвигов, которые проявляются в необходимости разработки новой методологии (нового инструментария), позволяющей проводить соответствующие исследования.

В экономической литературе как-то незаметно укоренились понятия хозяйственных, экономических и производственных систем. Можно предположить, что произошло это под влиянием идеологического фактора (властного ресурса) организации социально-экономической жизни общества в целом и исследований ученых-экономистов в частности.

Однако все чаще и чаще задается вопрос не о том, как произвести экономически выгодные хозяйственные взаимодействия, а о том, в чьих интересах они будут произведены. Именно поэтому, как отмечает П.С. Лемещенко, «сегодня среди множества проблем крайне актуальны два вопроса: что представляет собой современная мировая политико-экономическая система и какая наука охватывает своим предметом данное сложное структурное образование» [1, с. 53]. Особо подчеркнем выделение в качестве предмета анализа политико-экономической системы. На наш взгляд, попытка (и не безуспешная) изгнать из лона наук политическую экономию была предпринята властными элитами именно потому, что объект интересов большой политики и экономики стал уделом фактически наднациональной элиты. Но не элиты, выделившейся своими способностями или востребованной в процессе общественно-профессиональной деятельности, а назначенной. Данное обстоятельство послужило причиной появления «парадокса времени». Понимание государственного интереса, механизма его реализации в рамках влияния международных институтов сегодня мало кому присущи. Это касается и населения, и политиков, проживающих в странах постсоциалистического геопространства. «Парадокс времени» есть предмет политико-экономического анализа. Такой анализ становится особенно значимым в условиях усиления дифференциации людей в мире по имущественному и другим социально-экономическим признакам (разрыв между бедными и богатыми в 1821 г. составлял 3:1, в 1992 г. — 72:1, а в

начале XXI в. — уже 80:1) [1, с. 55], что обуславливает рост международной напряженности, терроризма, ограничение человеческой свободы, неуверенность в будущем, неопределенность.

Самое унижительное для мирового сообщества проявление нерешенности мировой продовольственной проблемы — масштаб хронического голода и недоедания на нашей планете. Почти во всех работах, посвященных этому вопросу, уже в течение многих лет используется одна и та же цифра: 800 млн. человек на Земле не имеют питания, достаточного для здоровой и активной жизни. Подавляющее большинство этих людей проживает в развивающихся странах, где они составляют 20% населения (1995) [2, с. 3—10].

Надо сказать, что голод не обходит стороной и самые богатые страны, в том числе США, где он носит ярко выраженный социальный характер, поскольку порождается дифференциацией в распределении богатства и дохода, наличием массы людей, не имеющих достойной работы и лишенных других средств к существованию. Согласно одному из исследований, в стране до сих пор 33 млн. человек, включая 13 млн. детей, страдают от голода или близки к нему. Это составляет около 10% всех американских семей. Прямой хронический голод испытывают 3,1% семей — 8,5 млн. человек, включая 2,9 млн. детей. 7,3% американских семей потребляют продовольствие низкого качества или вынуждены обращаться к системе государственного бесплатного питания. Такие семьи насчитывают 24,7 млн. человек, в том числе 9,9 млн. детей [3, с.1].

Возрастающая поляризация в распределении богатства и дохода, происходящая как между странами, так и внутри них, подрывает все усилия по борьбе с бедностью и голодом. К началу XXI в., согласно данным, приводимым американским ученым И. Серагельдином, 20% населения мира потребляло 85% мирового дохода; оставшиеся 80% жителей планеты получают лишь 15% этого дохода, причем нижним 20% доста-

ется всего 1,3% мирового дохода. Эта поляризация постоянно увеличивается. Если при предшествующем поколении верхние 20% были богаче нижних 20% населения в среднем в 30 раз, то сейчас они стали богаче в 70 раз. Несмотря на это, они не хотят пожертвовать даже 0,3% своего дохода беднейшей части человечества [4, с.3].

Смещение проблем дохода с уровня внутригосударственного, внутринационального в сферу деятельности наднациональных институтов делает значимым выделение такого уровня экономического взаимодействия, который был назван субэкономикой [5—7]. Очевидно, что в начале XXI в. возникла возможность оценки усложнения взаимозависимости экономик разных государств как процесса формирования единой мировой экономики, или мегаэкономики. Но раскрытие природы и источников современных доходов наталкивается на мифологизацию глобализации как современного явления. Следует подчеркнуть, что разные исторические эпохи, разные институты (формальные и неформальные), устанавливая определенные рамки и ограничения, создавали и конкретные механизмы по их распределению. Посредством этих механизмов реализовывался компромиссный общенациональный экономический интерес как противоречивое единство интересов основных классов, слоев, социальных групп. Особо следует заметить, что экономическая наука развивала свой категориальный аппарат, откликалась на исторически обусловленные особенности развития общества. Так, период меркантилизма и ростовщичества выдвинул категории денег, торговли и соответствующих доходов. Эпоха активного земледелия для физикратов центральной категорией экономической науки определила ренту. Порождением промышленного капитала стала категория прибыли. Современную эпоху возможно характеризовать преимущественно экономическими формами изъятия и перераспределения глобаль-

ной ренты. А это означает, что усложнение экономических взаимодействий от уровня физических лиц (наноэкономика) через микро-, мезо-, макроуровни привело к появлению наднационального уровня (субэкономика), уровня, явившегося источником возникновения у назначенной элиты самостоятельных экономических интересов, не совпадающих ни с государственными, ни с национальными. При этом наднациональные структуры — будь то межгосударственные институциональные организации либо транснациональные корпорации — еще не являются системообразующим началом единой мировой экономики (мегаэкономики), но уже становятся ее самостоятельными субъектами (игроками) соответствующего уровня. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой «влияние глобализации на повседневную жизнь людей — а эта жизнь и есть исток демократии, ее надежнейшая опора или, наоборот, железобетонное препятствие ей — не в том, что резко возрастает значение внешних инвестиций в страну, а в том, что решения, касающиеся судеб живых людей в Сибири или Африке, Монголии или Латинской Америке, принимаются в высоких штабах США, Европы, Японии, да хоть бы и в Москве, до которых не достучаться. Принимаются на основе макроэкономических индикаторов, бюрократических соображений и политических интриг, на которые простой человек, где бы он ни жил, никакого влияния не имеет, и иметь не может. И своя, национальная бюрократия (как она оторвана в России от общества, известно) — тот нижний, первый, уровень этого бездушного механизма, с которым соприкасается человек. Здесь-то и складываются предпосылки успеха “революций роз”: внешне — демократических, по сути — велика ли “человеку с улицы” разница, кто персонализирует власть, если механизм в целом никак не затрагивается? Это отчуждение между человеком и бюрократом, обществом и властью в конкретной стране со-

здает предпосылки и благоприятную среду, иногда необходимость для мощных прорывов глобализации во внутренние отношения, что доказано всем опытом 1980—2000-х годов» [8, с. 88]. Назначенную элиту в контексте политико-экономического анализа следует рассматривать в качестве монополии. Монополии могут критиковать экономисты, но не политики. Последним как монополиям всегда легче, чем мелким предпринимателям, согласовывать свои интересы. Но при этом возникает следующая ситуация. В политико-монополистическом альянсе достигался и будет достигаться синергетический эффект, способствующий росту общественной производительной силы труда. В терминах институциональной теории следует фиксировать процесс формирования социального капитала, снижающего транзакционные издержки, которые всегда сопровождают конкуренцию. Превышение суммарной величины этого вида издержек над социально-экономическим эффектом в рамках межгосударственной конкуренции приводит к разрушению национальных экономик, а точнее, к перемещению фокуса экономических взаимодействий с макроуровня на субуровень.

Отмеченное обстоятельство меняет характер и структуру экономических интересов тех субъектов, которые являются назначенной элитой и которые представляют властные органы управления государством. Реализация ими интересов уже не представляется как реализация национальных и государственных интересов, представителями и выразителями которых эти субъекты являются. Осуществление перехода от конкуренции капиталов через конкуренцию стран к конкуренции блоков, союзов, альянсов, корпораций приводит к конкуренции институтов наднационального уровня. Уже цитированный П.С. Лемещенко отмечает, что о правомерности такого экономического порядка как-то не принято задавать вопросы «традиционным» экономистам, но все же уместно хотя бы конструировать иде-

альные, альтернативные порядки устройства современного мира. На наш взгляд, объяснение современного мира (в части экономической жизни общества) возможно через категорию экономического пространства. Если обратиться к А. Смитту, то он реализацию экономического интереса и максимизацию часто повторяемой полезности связывал экономически и нравственно прежде всего с предоставлением благ и услуг другим субъектам хозяйствования. Тем самым он фиксировал сложные утилитарные нормы поведения, которые сегодня становятся еще более сложными. И если определять глобальную ренту как часть необходимого и прибавочного продукта, как долю добавленной стоимости, извлекаемой (через неравные институциональные возможности, опосредованные в том числе асимметричностью информации) политико-экономическими, организационными и социальными акторами по правилам, определяемым наднациональными институтами, то возможно следующее утверждение: политико-экономический эффект извлечения глобальной ренты политико-экономическими альянсами как субъектами субэкономики является следствием минимизации транзакционных издержек на международном уровне. Следователь-

но, в доходах от международной кооперации, кроме рентного, присутствует часть дохода, экономически оправданного, признаваемого и выгодного большому обществу людей. Институциональное принуждение заменило военное, так как расходы на военные нужды, будучи видом транзакционных издержек при перераспределении прав собственности и ее защите, стали не только неоправданными экономически, но и социально опасными. В этой связи еще раз можно вспомнить о «теоретической значимости» неоклассики, выдвинувшей конкуренцию в качестве исходного принципа рынка. Неоклассическая теория, ориентирующаяся на тренды как на главный инструментальный анализа и прогноза в условиях восприятия прошлого, настоящего и будущего как все менее определенного в координатах экономического знания, оказывается беспомощной и, таким образом, даже не теорией. В то же время потеря современной экономической наукой своих классических оснований и признаков создает гносеологические условия для всевозможных мифов относительно глобализации. Причем многие наблюдения и выводы, которые делаются по поводу вообразаемого или желаемого в глобальном, нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

1. Лемещенко П.С. Современный мир-система и проблема теории неоимпериализма // *Философия хозяйства*. — 2005. — № 2.
2. Ковалев Е. Новые аспекты мировой продовольственной проблемы // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2005. — № 3.
3. *Hunger and Poverty Fact* // http://www.worldhunger-year.org/hun_pov/default.asp.
4. Serageldin I. World Poverty and Hunger // *Science Magazine*. — 2002. — January 4 // <http://www.foodsecurity.et/ewn/ewnitem.php3?id=1793&t=ewn+ewn>.
5. Чекмарев В.В. Рынок и государство: трансформация традиционного подхода // *Философия хозяйства*. — 2000. — № 4.
5. Чекмарев В.В. Книга об экономическом пространстве. — Кострома, 2001.
6. Чекмарев В.В. Объемно-сетевое мышление и реальность // *Безопасность Евразии*. — М., 2003.
7. Чекмарев В.В. Объемно-сетевое мышление и реальность // *Гуманитарный стратегический маневр* / Под ред. В.Н. Кузнецова. — М., 2005.
8. Косолапов Н.А. Вызовы глобализации и политическая система России // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2005. — № 3.

Получено 12.10.2007

М.В. Бекетов

До загальних властивостей економічного простору: наукознавчий аналіз

Визначено загальні властивості економічного простору. Зроблено спробу осмислити сучасні тенденції у поступі економічної науки. Розглядаються загальні проблеми стану та розвитку світової економіки, її глобалізації.